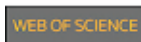

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Осипова О. И. Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия» / О. И. Осипова // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 270—280. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-270-280.

Osipova, O. I. (2021). Narrative Polyphony in Novel “Savely’s Days” by G. Sluzhitel. *Nauchnyi dialog*, 11: 270-280. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-270-280. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-270-280

**Повествовательная
полифония в романе
Г. Служителя
«Дни Савелия»**

Осипова Ольга Ивановна
orcid.org/0000-0001-6783-9378
доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой
русского языка как иностранного
fia-fa@mail.ru

Дальневосточный государственный
технический рыбохозяйственный
университет
(Владивосток, Россия)

**Narrative Polyphony
in Novel “Savely’s Days”
by G. Sluzhitel**

Olga I. Osipova
orcid.org/0000-0001-6783-9378
Doctor of Philology, Associate Professor
Head of the Department of Russian
as a Foreign Language
fia-fa@mail.ru

Far Eastern State
Technical Fisheries University
(Vladivostok, Russia)

© Осипова О. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается повествовательная структура романа Г. Служителя «Дни Савелия». Определено, что в романе выражена полифоническая система повествовательных инстанций, установлены взаимоотношения между ними. Изучены способы создания субъектной многоплановости текста. Отмечается, что жанр воспоминаний в целом сохраняет постоянные признаки, к которым относятся приемы создания хронотопа, воплощения образа героя, при этом именно сама особенность главного героя, который является ненадежным нарратором, приводит к трансформации классического повествования воспоминаний и к появлению нескольких субъектно-речевых планов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения повествовательных инстанций и своеобразия их соотношения для осмысления нарративного пространства художественного произведения. Новизна видится в том, что на материале современного романа определяются приемы создания эффекта многоголосого повествования, а также проводится наблюдение над становлением стиля современного писателя. Доказано, что полифония повествовательных образов возникает в романе в силу того, что технически рассказ не может вестись только с точки зрения котоповествователя, так как это существенно ограничит дискурс. Цель полифонии — взгляд на современного человека с разных точек зрения, в том числе и отстраненной.

Ключевые слова:

нарратив; повествовательная полифония; ненадежный нарратор; Григорий Служитель; первичный; вторичный повествователь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The narrative structure of the novel “Savely’s Days” by G. Sluzhitel is considered. It is determined that a polyphonic system of narrative instances is expressed in the novel, and the relationship between them is established. Methods of creating a subjective versatility of the text have been studied. It is noted that the genre of memories as a whole retains constant features, which include the methods of creating a chronotope. It embodies the image of a hero, while it is the very feature of the protagonist, who is an unreliable narrator, that leads to the transformation of the classical narration of memories and to the emergence of several subject-speech plans. The relevance of the study is due to the need to study the narrative instances and the originality of their relationship in order to comprehend the narrative space of a work of art. The novelty is seen in the fact that the methods of creating the effect of polyphonic narration are determined on the basis of the material of the modern novel. The observation of the modern writer style formation is carried out. It has been proved that the polyphony of narrative images arises in the novel due to the fact that, technically, the story cannot be conducted only from the point of view of the cat-narrator, since this will significantly limit the discourse. The purpose of polyphony is to look at a modern person from different points of view, including a detached one.

Key words:

narrative polyphony; unreliable narrator; Gregory G. Sluzhitel; primary; secondary narrator.

Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия»

© Осипова О. И., 2021

1. Введение

Роман Г. Служителя, лауреата литературных премий «Большая книга» (вторая премия, 2019) и «Ясная Поляна» (приз читательских симпатий, 2019), вызвал противоречивые отзывы критиков. Именно они, с одной стороны, обратили внимание на нарочитость образа героя-повествователя, поскольку свою историю нам рассказывает кот, который «разговаривает на хорошем литературном языке, играючи цитирует классиков и прекрасно ориентируется в московской топонимике ...» [Толстов, 2018], которого «сложно представить типичным представителем хвостатой братии, противостоящим тяготам уличной жизни» [Москвин, 2018], с другой стороны, выказали восхищение его философским складом ума, потрясающим чувством юмора, умением достигать полноты жизни [Там же].

На замечание критиков об образованности своего героя-повествователя автор отвечает, что во многом переосмыслил существующие в прошлом и в современности культурные коды, но включение в текст интертекстуальных элементов, по мнению Г. Служителя, не означает подключение дополнительных смыслов и связей из их источника. Сам автор признает, что не ставил перед собой цели спрятать смысл книги в аллюзиях и цитатах: «Смысл книги должен содержаться в самом слове, а не в побочных стежах. Ну и, разумеется, это не способ продемонстрировать свою эрудицию. Те упоминания, которыми действительно пестрит роман, — это всего лишь признание в любви дорогим для меня авторам и художникам. И потом, если быть внимательным, мой кот не очень-то образован. Цитаты перевирает, не доканчивает. Путает имена. Латынь, во всяком случае, он знает на слабую троечку» [Пульсон, 2019, с. 13].

Не только критики обратили внимание на роман. Произведение стало объектом рассмотрения в статьях литературоведов, которые обращаются к различным аспектам произведения: приемам комизма [Глазкова, 2021], символическим деталям романа [Дзайкос и др., 2021], повествовательным особенностям [Тишина и др., 2020].

Роман построен как воспоминания кота с момента пребывания в материнской утробе и до смерти. Повествовательная модель воспоминаний о прошлом приносит так называемую автокоммуникацию в систему ли-

тературного текста, усложняя его нарратив. Ю. М. Лотман отмечал: «Это происходит в результате того, что вводится добавочный — второй — код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получающая черты нового сообщения» [Лотман, 2000, с. 166]. Воспоминания, во-первых, призваны рассказать о важном событии; во-вторых, это самоанализ и самопрезентация рассказывающего героя. В рассматриваемом романе с первых и до последних строк намечается отход от канонов классического воспоминания. Читателю представлен не отдельный важный эпизод, а целая жизнь кота, и наблюдение над окружающим миром людей довлеет над самоанализом героя-рассказчика. Но это не единственное отступление от норм, так как в тексте представлена многоголосая система повествовательных инстанций, рассмотрению которых и посвящена данная статья.

Герой-повествователь в романе — кот, что делает его ненадежным рассказчиком, в том числе и потому, что он описывает человеческую действительность под особым углом зрения. Но, на наш взгляд, в романе представлена многоуровневая повествовательная модель. «Вторичный» нарратор — повествующая инстанция, от лица которой ведется я-повествование [Шмид, 2003, с. 79—80], — это герой, который в принципе не может написать книгу, потому что, во-первых, является котом, во-вторых, погибает в конце. Еще один «вторичный» нарратор — это художник Белаквин, записи которого приводятся, когда в основной истории «наметился провал» [Служитель, 2019, с. 154]. И «первичный» нарратор, который обрамляет историю и делает существование текста возможным.

Анализ нарратива в романе позволяет систематизировать семантические пласты достаточно сложного с точки зрения организации художественно-повествовательной структуры текста, а также ответить на некоторые вопросы критиков относительно образа героя в произведении.

2. «Вторичный» повествователь Савелий

Кот-повествователь не раз подчеркивает саму невозможность написания им книги: *О если бы я умел писать ... Вот была бы жизнь! Я бы писал роман, а ты бы лежала на подоконнике и молча гордилась бы возлюбленным* [Служитель, 2019, с. 338]. При этом дар сочинительства неоднократно упоминается: *Коты слушали меня с раскрытыми ртами и не могли дожидаться, когда наступит следующий вечер, чтобы узнать какую-нибудь новую историю* [Там же, с. 361]. Вместе с тем герой-повествователь говорит о своей истории как об устном произведении: *... я понял, что мир больше не вмещает всех историй, но я не могу ее не рассказать. Я должен договорить* [Там же, с. 378].

Точка зрения кота-повествователя, на первый взгляд, соответствует точке зрения нарратора, пишущего воспоминания: нахождение вместе с чи-

тателем в точке возникновения событий, восприятие их вместе с ним как происходящих здесь и сейчас. Также в тексте можно найти свидетельства временного отрыва от описываемых событий, герой из будущего оценивает случившиеся события: *Затиснутый между мамой и бабушкой, на скамейке сидел Витюша Пасечник ... Витюше предстоит сыграть в моей судьбе свою роль* [Там же, с. 38]. Здесь следует отметить, что, когда Витя Пасечник взял котенка Савелия с улицы домой, никакого воспоминания об уже состоявшейся встрече не описано. Поэтому это узнавание в людях, едущих в электричке, своего будущего хозяина не более чем фикция, повествовательный ход, необходимый для поддержания жанрового канона (взгляд в прошлое из будущего). А кроме того, с события узнавания снимается всякий мистический ореол предопределенности и судьбоносности встречи.

Котенок, только попавший в квартиру с улицы, описывает и называет цветы, все предметы мебели, бытовую технику, с которыми не должен быть знаком. Неоднократно в речи героя появляются латинские выражения: *взвешу pro и contra* [Там же, с. 51], «*Sine qua non*, если позволите» [Там же, с. 79]. Одновременно с этим присутствует и наивный взгляд, нарочитое незнание о мире, а может быть, аполитичность мировоззрения: *Кадр занял серьезный лысоватый мужчина в черном. Он смотрел на нас сочувственно и с пониманием ... Он знал, как нам нелегко, и лично обещал, что в следующем году станет легче* [Там же, с. 95]. Такой взгляд на мир — это намеренная авторская игра, в которой Г. Служитель сам признается: «Когда с первых же страниц Савва демонстрирует знание нотной грамоты, то к этому нужно относиться с юмором, принимать это на веру» [Пульсон, 2019, с. 13].

Фокус повествования сосредоточен не столько на событийной стороне романа (на самом деле в нем крайне мало событий), сколько на самом рассказчике. Описываемые детали и события, данные им оценки, размышления выстраиваются в целостную картину мира героя. Перед нами рассказ о современности с позиции антропоморфного героя, который воспринимает мир под особым углом зрения. Москва как основное место событий, ее ландшафты, пейзажи, люди показаны с определенного ракурса, например: *Чтобы мирились с самими собой, люди придумали множество уловок. Например, развлечения. Гуляя вечерами по Маросейке, я наблюдал за горожанами. Мужчины и женщины шатались неприкаянными сонмами по округе. Они убеждали самих себя, что им очень весело живется* [Служитель, 2019, с. 126]. Наделение голосом безязыкого персонажа дает толчок для «остранения» окружающего мира, что позволяет показать человека в особом свете, порой не в самом выгодном: *У людей есть удивительное свойство, я не встречал такого больше ни у кого. Они готовы отдать по-*

следнюю горбушку страждущему котенку, но с легким сердцем забьют бейсбольной битой водителя, не уступившего им дорогу [Там же, с. 126].

В описании мира с этой позиции присутствует антропоморфизм: *... самый заслуженный сверчок, в черном бархатном фраке с полинявшими закрылками на спине, дирижирует ими, руководит [Там же, с. 49]; Наш сад цвел пышно и пах самозабвенно [Там же, с. 50].* Ярким примером «особого взгляда» является эпизод встречи с той, «ради кого». Герой сворачивает в сад имени Баумана, видит, что на скамейке спит девочка, руки которой *«как будто обнимали сбежавшую во сне кошку. Я оглянулся вокруг, но кошки не увидел. ... На лужайке, следя за маневрами змееловов, сидела девушка [Там же с. 258].* Только после того, как между героями завязывается диалог, читатель понимает, что «девушка» — это кошка.

С повествующим героем связан рамочный текст произведения. В посвящении «Гермионе, Платону и всем ушедшим друзьям» содержатся имена тех котов, с которыми встречался герой и которые сыграли в его жизни определенную роль. Оно носит мемориальную функцию, показывая значимость этих имен в судьбе повествующего персонажа. Если рассматривать слова посвящения в совокупности с заключительным отрывком романа, построенного как посмертный, иномирный диалог, то становится понятным, кому именно «им» должен что-то сказать герой:

— И что бы ты тогда им сказал? <...>

— Я бы сказал: привет! Давно не виделись! [Там же, с. 381].

Рамочный текст позволяет определить завершенность повествования, закрытость его границ.

3. «Вторичный» повествователь Белаквин

Кот не единственный «вторичный» повествователь в романе. Вставная история пропавшего Белаквина, художника, жизнь которого пунктирно связана с жизнью главного героя, представляет собой записи нескольких повествователей. И, следуя терминологии Шмида, перед нами уже группа «третичных» нарраторов, которых можно идентифицировать только по половой принадлежности (глаголы женского или мужского рода). Сначала это воспоминания пожилой женщины, ее детство, большая часть памяти о котором — это рассказ о просмотре диафильмов и гостях. Основной посыл — скоротечность жизни: *Неужели уже 48, как закончила школу; маленькая резиновая жизнь [Там же, с. 162].* Последний фрагмент этих записей оформлен как торопливая фиксация последних минут сознания. Бессвязность, торопливость записи подчеркивается графически: фрагмент без строчных букв, с точкой вместо запятой, а в конце отсутствие знаков препинания. Потом рассказ мужчины, нашедшего смысл жизни в покупке

парок. Еще один герой-мужчина (есть основания предполагать, что это не тот же мужчина с паркой, так как меняется стиль письма, образ мыслей). Эпизод о девушке, у которой неприятности на работе в кафе. И опять мужской монолог. Перед нами поток сознания, без имен, наполненный только деталями, которые чем-то важны для героев, но ничего не говорят о них читателю, например, рассказ о парке: *У меня было шесть парок, но, когда по утрам так хреново, я всегда хочу двух вещей: побриться и купить себе новую парку* [Там же, с. 164]. Панорамность данной главы романа — попытка показать разные мировоззрения, точкой соприкосновения которых остается поиск ответа на вопрос о месте человека в жизни (*ты ищешь оправдания череде дней, что еще ждет тебя впереди* [Там же, с. 172]), его пути (*Где я ошибся? Где сделал неверный шаг?* [Там же, с. 167]). Иерархических связей между этими повествователями нет. «Делая своим героем вымышленного персонажа, Г. Служитель полностью передает свое повествование рассказчику, доверяя ему описывать процесс прозрения. Записки становятся историей души, которая переживается, рефлексировается и фиксируется на бумаге» [Тишина и др., 2020, с. 107]. Все эти истории формально объединены личностью художника, записи которого мы фактически читаем, возможно, он в самом тексте никак не проявился, а может быть, одну из историй он рассказывает о себе, но в любом случае он является повествователем, обрамляющим истории.

4. «Первичный» повествователь

«Первичный» повествователь определяется в произведении в ряде случаев: во-первых, в историях прошлого людей, временных хозяев Савелия (Лена и Витя Пасечники, Сергеич, отец Поликарп, Сеня), во-вторых, при описании внутреннего монолога героев, истории которых «перепутались» и герои уже не могли сказать, «какая с кем случилась» [Служитель, 2019, с. 262], в-третьих, в ситуации чтения «Записей Белаквина». Каждое из этих проявлений первичного повествователя заслуживает некоторого экскурса.

Появление объективированного повествования в рассказе персонажа позволяет определить первичного повествователя. Истории о прошлом людей, к которым попадает кот, рассказываются всевидящим повествователем, обладающим знаниями, которые были бы недоступны герою. Читатель наблюдает изменение точки зрения повествования, появляется партия наблюдателя, присутствующего при событиях прошлого героев и имеющего свою пространственно-временную точку зрения. Этот повествователь полномочен изображать не только внешний мир героев, но и внутренний, диалоги прошлого, чувства, мимолетные, но важные, которые объясняют современное положение героев, их характер и взаимоотношения: *К своему*

неудовольствию, Лена заметила, что сердце забилося и стало проситься наружу ... Дни Лены были безрадостными и пустыми. Ей нужна была помощь [Там же, с. 64]; Что же это было? Предчувствие грядущих поражений, будущих провалов, безоговорочных капитуляций. Вот его удел ... На что он рассчитывал? Чего он ожидал? Ложная надежда. Глупая самоуверенность [Там же, с. 76]. Экспликация внутреннего монолога героя, риторические вопросы, обращенные к себе, интонационная сторона речи дают все основания говорить о воспроизведении внутренних метаний героя. И это еще одно доказательство, что речевая партия повествователя меняется. Савелий-рассказчик — прежде всего наблюдатель, который ни разу не допустил в повествовании погружения во внутренний мир другого или хотя бы предположения о мотивах того или иного поступка.

Интересен в данном фрагменте возврат от речи имплицитного первичного повествователя к речи персонажа: в одном фрагменте совмещаются два субъектно-речевых плана: *Нужно найти исход своей тоске. И Витя нашел. Этим выходом стал я* [Там же, с. 76]. Подвижность повествовательной позиции — явно игровой прием: рассказ о прошлом героев, о котором не мог знать вторичный кот-повествователь, сливается с рассказом героя, помещается в один пространственно-временной континуум. Создается синтез двух речевых планов повествователей, ретроспективный всезнающий взгляд одного из них и наблюдательная позиция другого позволяют создать эффект полноты изображения жизни и мира. Тот же принцип наблюдается и в остальных случаях описания прошлого людей, к которым попадает главный герой.

Следующим имплицитным появлением «первичного» повествователя можно считать отрывок, где сливаются голоса героя и его возлюбленной. Их повествования контрапунктно вступают друг за другом, продолжая единую тему. Читатель различает голоса только при изменении рода глагола. «Первичный» повествователь приводит данный «повествовательный монолог» двух героев, который «выполняет задачу включения мыслей и слов других лиц в текстуру повествования: речь рассказчика продолжает речь персонажа рассказчика, заимствуя при этом его голос и усваивая его манеру говорить» [Рикер, 1995].

Наконец, эксплицитно первичный повествователь выступает во фрагменте, предваряющем «Записи Белаквина»: *Кажется, в нашей истории намечился провал. Но мы не можем отложить повествование. В таком случае, пока следы главного героя потеряны, перенесемся в роддом имени Клары Цеткин. Поднимемся по центральной лестнице, вот так, повернем направо, мимо купидона (осторожнее, паутина!). Прямо, направо, еще раз направо. Отворим дверь. Поднимем крышку сундука в углу, он не заперт. Да, это тетради художника Белаквина, которые никогда, никогда,*

никогда не будут найдены. Сдуем с них пыль (будьте здоровы!), откроем тетрадь. Прочитаем при свете зажигалки путанные, бестолковые и разрозненные записи пропавшего художника [Служитель, 2019, с. 154]. Отрывок значим с точки зрения того, как показана фиктивность всей истории, якобы рассказываемой котом. В отрывке вербализирован сам акт создания истории, в которой «... наметился провал. Но мы не можем отложить повествование» [Там же, с. 154], физически воплощен сам повествователь, который поднимается по знакомому ему маршруту к сундуку с тетрадями, появляется читатель, который знает о «нашей истории» и который тоже физически присутствует при чтении тетрадей («будьте здоровы!»). И наконец, в пространство книги помещаются тетради художника, которые «никогда, никогда, никогда не будут опубликованы» [Там же]. Такая многоуровневость игры повествовательными «я», думается, имеет смысл только в том случае, если автор намеренно создает повествовательную полифонию, не только соединяя речевые планы героев повествования, но и вводя в структуру текста образ читателя.

5. Заключение

В романе Г. Служителя традиционная схема «автор — повествователь-герой — читатель» расширяется посредством особого распределения ролей участников этой триады. Так, кот-повествователь — уже сам по себе ненадежный нарратор, точка зрения которого ограничена особым взглядом на мир — взглядом снизу, но отношение читателя к тексту и повествованию переворачивается еще раз, когда кот погибает в конце романа, чем ставит читателя в положение переосмысления текста, поиска нарративной точки зрения, «фокализации» [Genette], отгадывания истинного повествователя, а также определения взаимоотношений между «я рассказывающим» и «я действующим». Последние оказываются не только не равны себе с точки зрения ретроспекции, которая возникает, когда нарратор сквозь призму пережитого опыта и прошедшего времени оценивает свое прежнее сознание и образ, но и в принципе не равны, так как «я рассказывающее» в конце погибает. Сам текст в таком случае теряет последнюю иллюзию жизнеподобия, демонстрируя не только искусственность созданного мира, но и фикциональность образа повествователя, в нем воплощенного. Полифония голосов разных повествователей, их диалогическое взаимодействие — это своеобразный прием в идиостиле писателя.

Источники

1. *Служитель Г. М.* Дни Савелия / Г. М. Служитель. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 384 с. — ISBN 978-5-17-109158-3.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазкова М. М. Функциональность приемов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия» / М. М. Глазкова // Неофилология. — 2021. — Т. 7. — № 27. — С. 467—474. — DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474.
2. Дзайкос Э. Н. Символические детали как маркеры трагизма судьбы в романе Григория Служителя «Дни Савелия» / Э. Н. Дзайкос, В. С. Зеленина // Казанская наука. — 2021. — № 2. — С. 14—16.
3. Колобаев П. А. Повествовательная полифония и средства ее создания в русской литературе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / П. А. Колобаев. — Елец, 2010. — 25 с.
4. Лотман Ю. М. Автокоммуникация : «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — С. 163—177. — ISBN 5-210-01488-6.
5. Москвин А. «Дни Савелия» : только песня совсем не о том [Электронный ресурс] / А. Москвин. — Режим доступа : <https://www.rewizor.ru/literature/reviews/tolkopresnya-sovsem-ne-o-tom.ru> (дата обращения 21.04.2021).
6. Пульсон К. Налево — сказку говорит / К. Пульсон // Российская газета. — 2019. — 22 октября (№ 237). — С. 13.
7. Рикер П. Повествовательная идентичность [Электронный ресурс] / П. Рикер // Герменевтика. Этика. Политика : Московские лекции и интервью. — Москва : ACADEMIA, 1995. — С. 19—37. — Режим доступа : https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (дата обращения 27.04.2021).
8. Служитель Г. М. Кот и кентавр (несколько слов о создании книги «Дни Савелия») / Г. М. Служитель // Текст и традиция. — 2019. — Т. 7. — С. 404—409. — ISBN 978-594668-288-6.
9. Тишина Е. В. Повествовательные особенности в романе Г. Служителя «Дни Савелия» / Е. В. Тишина, Е. Е. Рогова // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России : Материалы Всероссийского Научно-практического форума. — 2020. — С. 105—108.
10. Толстов В. Читатель Толстов : Русская проза : новые книги от «Редакции Елены Шубиной» [Электронный ресурс] / В. Толстов // Обзоры литературных новинок от Владислава Толстова. — 2018. — Режим доступа : <https://baikalinform.ru/chitatelb-tolstov/chitatelb-tolstov-russkaya-proza-novye-knigi-ot-redaktsii-eleny-shubinoi.ru> (дата обращения 3.05.2021).
11. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.
12. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса [Электронный ресурс] / В. И. Тюпа. — Тверь : Тверской государственный университет, 2001. — Режим доступа : <http://my-chekhov.ru/kritika/tupe/tupe3.shtml> (дата обращения 7.05.2021).
13. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.
14. Genette G. Narrative Discourse : An Essay in Method. [Electronic resource] / G. Genette. — Access mode : https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod_djvu.txt (accessed 12.05.2021).
15. Nünning A. Narratology or Narratologies? / A. Nünning // What Is Narratology? Questions and Answers Regarding the Status of a Theory. — Berlin : Walter de Gruyter, 2003. — Pp. 239—275. — ISBN 3110178745.

MATERIAL RESOURCES

Sluzhitel', G. M. (2019). *Days of Savelia*. Moscow: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina. 384 p. ISBN 978-5-17-109158-3. (In Russ.).

REFERENCES

- Genette, G. *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Available at: https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod_djvu.txt (accessed 12.05.2021).
- Glazkova, M. M. (2021). Functionality of comic techniques in the novel by Gregory the Servant "The Days of Savely". *Neophilology*, 7 (27): 467—474. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474. (In Russ.).
- Kolobaev, P. A. (2010). *Narrative polyphony and means of its creation in Russian literature*. Author's abstract of PhD Diss. Yelets. 25 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). Autocommunication: "I" and "The Other" as addressees (On two models of communication in the system of culture). In: *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. 163—177. ISBN 5-210-01488-6. (In Russ.).
- Moskvin, A. "Days of Savelia": only the song is not about that at all. Available at: <https://www.rewizor.ru/literature/reviews/tolko-pesnya-sovsem-ne-o-tom.ru> (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- Nünning, A. (2003). Narratology or Narratologies? In: *What Is Narratology? Questions and Answers Regarding the Status of a Theory*. Berlin: Walter de Gruyter. 239—275. ISBN 3110178745.
- Pulson, K. (2019). To the Left — says a fairy tale. *Rossiyskaya Gazeta*, October 22 (№ 237): 13. (In Russ.).
- Riker, P. (1995). Narrative identity. In: *Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews*. Moscow: ACADEMIA. 19—37. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (accessed 27.04.2021). (In Russ.).
- Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Sluzhitel', G. M. (2019). The Cat and the Centaur (a few words about the creation of the book "The Days of Savely"). In: *Text and tradition*, 7: 404—409. ISBN 978-594668-288-6. (In Russ.).
- Tishina, E. V., Rogova, E. E. (2020). Narrative features in G. Sluzhitelia' novel "The Days of Savely". In: *Problems of humanities and education in modern Russia: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Forum*. 105—108. (In Russ.).
- Tolstov, V. (2018). Reader Tolstov: Russian prose: new books from the "Editorial Office of Elena Shubina". In: *Reviews of literary novelties from Vladislav Tolstov*. Available at: <https://baikalinform.ru/chitatelb-tolstov/chitatelb-tolstov-russkaya-proza-novye-knigi-ot-redaktsii-eleny-shubinoy.ru> (accessed 3.05.2021). (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2001). *Narratology as an analyst of narrative discourse*. Tver: Tver State University. Available at: <http://my-chekhov.ru/kritika/tupe/tupe3.shtml> (accessed 7.05.2021). (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *New Philological Bulletin*, 3 (18): 8—25. (In Russ.).
- Zaikos, E. N., Zelenina, V. S. (2021). Symbolic details as markers of the tragedy of fate in the novel by Gregory the Servant "The Days of Savely". *Kazan Science*, 2: 14—16. (In Russ.).